

Н
О
В
А
Я

Заря

Ежедневная политическо-литературная, общественная газета
Кубанско-Черноморского края.

(Въ Понедѣльники и послѣпраздничные дни не выходитъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

12 м.—9 р. — к.	8 м.—6 р. 50 к.	4 м.—3 р. 50 к.
11 м.—8 р. 50 к.	7 м.—5 р. 75 к.	3 м.—2 р. 75 к.
10 м.—8 р. — к.	6 м.—5 р. — к.	2 м.—2 р. — к.
9 м.—7 р. 25 к.	5 м.—4 р. 25 к.	1 м.—1 р. — к.

Подписка принимается только съ cadaго
1-го числа и НЕ ДАЛѢ КОНЦА ГОДА.

Объявленія принимаются мѣстные и сосѣднихъ губер-
ній на 1-й страницѣ по 20 к. за строку цѣнѣ или на
мѣсто за одинъ разъ и на 4-й страницѣ по 15 к.

Объявленія отъ лицъ, фирмъ, и учрежденій, живущихъ,
или имѣющихъ свои главные конторы или правленія
во всѣхъ мѣстахъ заграницы и Россійской имперіи, за
исключеніемъ Кубанской, Донецкой и Дагестанской обл.,
всего Сѣвернаго Кавказа, Черноморской губ и Закав-
калья принимаются исключительно въ центральной кон-
торѣ объявленій торговаго дома Л. и Э Метцль и К.
Москва, Мясницкая, домъ Сытова и въ его отдѣлені-
яхъ. Въ С.-Петербургѣ, Морская, 11; Варшавѣ, Краков-
ское предмѣстье, 53; Парижѣ, 8, площадь биржи.

За перемѣну адреса городской на городской 30 к., го-
родского на иногородній и иногородній на иногород-
ній — 50 коп.

Памяти поэта сумерекъ

(А. П. Чехова).

„Онъ ушелъ отъ насъ въ яркій ликующій день.
Въ міръ, гдѣ нѣтъ ни тоски ни печали...
А надъ гробомъ склонилась скорбная тѣнь.
И рыданья надъ нимъ прозвучалъ“...

И. Карповъ.

I.

Ich sterbe...

Все слабѣе, все тише бьется пульсъ.
Вотъ плывутъ уже тѣни не ясныя, далекія, страшныя. Что-то рисуется въ нихъ. Что-то... Быть можетъ „убогая Русь“...

Банвейзеръ... Вила Фредерика. Понорама красотъ. Долина Рейна. Вогезы. И умирающій, милый, незабвенный Антоша Чехонте.

Дальше... Скучный, безконечно-долгій переѣздъ и... въ вагонъ для „скоропортящихся грузовъ“ дорогіе останки тихаго пѣвца сумерекъ жизни...

Бѣдный, милый Антонъ Павловичъ!..

Ты ушелъ отъ насъ въ яркій, ликующій день... А тамъ, тамъ надъ моремъ вьются чайки; бѣлыя, серебристыя крылья сверкаютъ надъ изумрудно-зеленой водой и крики ихъ, полная тоска и слеза умирающаго лѣта, какъ слезы, какъ плачъ невинныхъ дѣтей...

Бѣлый, скромно-нарядный „мезонинъ“ такъ стыдливо выглядываетъ изъ-за зеленыхъ узоровъ деревьевъ... Маленькій садикъ, миниатюрный „Вишневый садъ“. Бѣлыя дорожки, какъ узоры. Красивый итисъ, цвѣтущій миндаль, груши, яблоки, „крыжовникъ“... Тихій, скромный уголокъ мечтательной дѣвушки.

И такъ недавно онъ бродилъ здѣсь и смотря на груши говорилъ дѣловитымъ тономъ: „зачѣмъ губить ихъ; это доходная статья въ будущемъ“.

Въ будущемъ...

А черезъ нѣсколько дней кто-то больной и усталый, опустил свою умную и красивую голову, въ послѣдній разъ посмотрѣлъ кругомъ тихо, ласково, нѣжно, мысленно поцѣловалъ и полушепотомъ сказалъ свое послѣднее, прощальное:

„Ich sterbe“.

И больше нечего... Ничего.

А въ низу вздыхало море. Стояли стройныя кипарисы, неприклонныя туи, плакали „Чайки“ надъ безграничнымъ просторомъ моря, уходили по немъ корабли, и въ Чеховскомъ саду тихо ро-

сли цвѣты и неслышно повторяли: „Ich sterbe“.

II.

Пять лѣтъ...

Прошло пять весень. Пять разъ распускался бѣлый ирисъ, цвѣлъ миндаль, благоухали яблони, груши; въ золотистые наряды весны одѣвалась земля, и одиноко у молчаливыхъ береговъ вдыхало, думало море.

Пять разъ...

Какъ будто только вчера, только нѣсколько часовъ, минутъ. Все думается, все кажется, что вотъ, вотъ сейчасъ откроется тихо, неслышно дверь скромно-стыдливой комнаты и войдетъ онъ, этотъ „милый Антонъ Павловичъ“ и скажетъ также тихо, но дружелюбно и ласково слово участія, привѣта. Скажетъ и станетъ легче веѣмъ, особенно тѣмъ надъ кѣмъ всю жизнь тяготѣлъ и тяготитъ какой-то невѣдомый рокъ (Л. Андреевъ „Жизнь о. Василия Онуфрейскаго“). И однако этотъ добрый, ласкавый Антоша Чехонте, другъ веѣхъ обездоленныхъ, слабыхъ, умирающихъ, угасалъ. Уже не горѣло яркимъ пламенемъ его чарующе-прекрасное дарованіе; были только обличья, неровныя, слабыя, трепетно-больныя. Равнодушно-тупой пѣвецъ-буржуа, нѣкто г. Риттеръ, хозяинъ виллы „Friederica“, гдѣ доживалъ свои послѣднія минуты поэтъ вечера жизни, какъ только узналъ о безнадежномъ состояніи его, съ нѣмецкой участливостью предложилъ ему „so fort“ — очистить комнату.

Этотъ г. Риттеръ боялся убытковъ, веѣ жильцы виллы могли уйти.

И слабый больной, обезпеченный до послѣдней степени Чеховъ долженъ былъ уйти.

Куда?...

Какой-то жалкій уголокъ, жалкой гостиницы „Hotel Sommer“ приютилъ родного страдальца, послѣ безконечныхъ хлопотъ, просьбъ и униженій.

А черезъ нѣсколько дней этотъ „плачъ“ просвѣщенной страны „бронированнаго кулака“ (М. Горькій) — этотъ „честный нѣмецкій буржуа и веѣ, кто

бросилъ его, шли за гробомъ, плакали крокодиловыми слезами варварскихъ сожалѣній. Умеръ онъ одиноко, въ чужой странѣ, въ дали отъ милой родины.

Впрочемъ... Невидимо пришли и присутствовали на его погребеніи все знакомыя, все близкія лица.

„Нанихиду служилъ по немъ „Черный монахъ““

Къ ней собирались „Хмурые люди“... И сковаль ихъ безмолвемъ нанихескій „Стрелъ“

Больно сжались усталыя груди.

„Дядя Ваня“ принесъ свой прощальный привѣтъ,

Плачутъ „Сестры“, вѣнки заплетая, А въ Крыму, гдѣ слогалъ свои лѣсныя поэты

Сонетъ „Чайка“ надъ моремъ летая“...

Плакали и варвары культурной Германіи и даже... жертвовали деньги на... памятникъ ему же. И теперь въ зелени мечтательнаго парка стоитъ его бюстъ. Тамъ долина красиваго Рейна, причудливыя извилины Вогезъ, неслышно плывутъ сумеречныя тѣни и нѣжнымъ покровомъ весенней грусти одѣваютъ, согревають его.

Г. Риттеръ же ливній слезы сожалѣній, сейчасъ же послѣ смерти Антона Павловича разставилъ въ виллѣ его портреты, рекламировалъ ее для варварской эксплуатаціи. Это тамъ, близко, гдѣ стоитъ одиноко скорбный памятникъ ему.

Больно, страшно, мучительно. Больно за это грубое глубокое оскорбленіе, за этотъ ударъ тому, кто рѣдкой любовью любилъ веѣхъ людей. Это сознаніе наполняетъ душу безысходной тоской, печалью и стыдомъ и какъ заунывный, погребальный звонъ, какъ мучительный стонъ звучитъ въ ухахъ.

Стыдно, безъ конца стыдно и больно.

III.

О творчествѣ милаго Антона Павловича я не буду говорить: не буду потому, что каждый, кому дорогъ и близокъ новый мученикъ литературы, кто не могъ равнодушно относиться къ теченію жизненнаго моря, кто страдалъ, любилъ и вѣрилъ въ идеалы свѣта и правды — тотъ знаетъ, тотъ долженъ знать о Чеховѣ если не все, то главное, необходимое, обязательное.

„Наслѣдникъ Гоголя, задумчивый и глубокий, насмѣшливый и грустный“ (А. Измайловъ) — Чеховъ былъ поэтомъ сумеречной эпохи, мѣщанской, страш-

ной обыденщины, сѣраго безпросвѣтнаго неба... Мимо Чехова неслась также (какъ мимо Гоголя) молчаливая тройка. Пассажиры ея были иные, но были пріятными потомками гоголевскихъ пассажировъ. Тутъ былъ прозавишійся помѣщикъ, и студентъ, и профессоръ; на мѣстѣ держиморды сидѣлъ „унтеръ Пришибаевъ“. И еще много фигуръ смутно выступало изъ придорожной пыли. Тройка была все та же. Это была Русь — такъ характеризуетъ творчество его А. Измайловъ. Темно было кругомъ. Такъ жутко, тоскливо.

Но... вѣрилъ Чеховъ въ далекія зори лучшаго будущаго, вѣрилъ въ яркое солнце. И горѣла эта вѣра, эта надежда, яркимъ, большимъ пламенемъ и освѣщала ему дорогу въ сумеркахъ жизни. Въ душѣ жило трепетно и чутко счастье лучшаго будущаго.

„Въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ такая же тихая и прекрасная, и все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться съ правдой, какъ лунный свѣтъ сливается съ ночью“. Это вѣрить, это исповѣдуется онъ, пѣвецъ скорби и печали. Жизнь будетъ. И она должна быть — лучше, умнѣе, изящнѣе, красивѣе. „О, мы отдохнемъ, мы отдохнемъ. Мы увидимъ небо въ алмазахъ“. И пусть это будетъ не сейчасъ, не теперь. Черезъ 200-300 лѣтъ. Пусть. Но вѣдь небо тусклое, не холодное, не сумрачное. Въ алмазахъ будетъ небо.

И вѣривъ страстно и сильно и рвешся и хочешь видѣть скорѣе это небо въ алмазахъ... Это небо свѣтлыхъ надеждъ, чистыхъ восторговъ...

IV.

„Меня берутъ читать пять лѣтъ послѣ смерти“, — сказалъ А. П. Буренину.

„Почему пять?“

— Ну, семь — говорилъ онъ.

Знаю, что имя мое послѣ меня будетъ счастливѣе меня — говорилъ Гоголь.

Гоголь не ошибся, но ошибся милый Антонъ Павловичъ.

Вотъ пять лѣтъ. А какъ живъ, какъ ярокъ его образъ въ памяти веѣхъ, какъ безконечно близокъ и дорогъ намъ! И никогда, думаю, никогда покрывало забвенія не покроетъ его лицо и имя его не потонетъ въ „таниственной Лети“.

Вѣдь онъ живъ, какъ живы его „Сестры“, „Дядя Ваня“, „Хмурые люди“, „Милая Соля“, и др.; вѣдь у ногъ бьется море и бѣдосѣбная сонетъ „Чайка“ растутъ ирисы, миндаль, молятся небу кипарисы, горы, нѣжно пахнутъ цвѣты.

Онъ ушелъ лишь на время. Онъ придетъ.

Сейчасъ придетъ... До свиданія, милый...

До свиданія...

Кто-то близкій.